

С О О Б Щ Е Н И Я

ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ РАСЧЛЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОТ 23 ДЕКАБРЯ 1917 г.)

О. Ф. СОЛОВЬЕВ

Советскими историками достигнуты большие успехи в изучении интервенции и гражданской войны в СССР. Однако некоторые аспекты этой важной темы освещены еще недостаточно. Речь, в частности, идет о тайных планах западных держав, направленных как на свержение Советской власти, так и на расчленение нашей страны с целью ее превращения в колонию империалистических государств.

Один из таких планов нашел свое выражение в англо-французском соглашении о разделе России на сферы влияния, подписанном в Париже 23 декабря 1917 г.¹ О существовании соглашения впервые упоминалось в мемуарах белоэмигрантов Марголина и генерала Деникина². Однако текст соглашения долгое время оставался неизвестным, так как правящие круги Англии, США и Франции постарались скрыть его от мирового общественного мнения. Потребовалось целых двенадцать лет, прежде чем факт подписания соглашения подтвердил один из вдохновителей антисоветской интервенции У. Черчилль³, а текст его воспроизвел, правда, без ссылки на источник, американский реакционный публицист Л. Фишер⁴. Тогда этим документом заинтересовались и на Западе, и у нас. Советский историк А. И. Гуковский дал краткий анализ соглашения в брошюре «Антанта и Октябрьская революция», вышедшей в 1932 г. С тех пор об этом документе обычно лишь кратко упоминается в литературе. Специальных исследований вопроса по существу не имеется⁵.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы вскрыть причины подписания соглашения, кратко проследить его роль в развязывании анти-советской интервенции, а также критически рассмотреть его интерпретацию буржуазной историографией.

* * *

Буквально на следующий день после Октябрьской революции империалисты Антанты, опираясь на контрреволюционные силы России, начали лихорадочно разрабатывать планы свержения Советской власти, при-

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

² А. Марголин. Украина и политика Антанты, Берлин, 1921, стр. 120; А. Деникин. Очерки русской смуты, т. IV, Берлин, 1929, стр. 32.

³ W. Churchill. The World Crisis. The Aftermath, London, 1929, p. 167—168.

⁴ L. Fisher. The Soviets in World Affairs, London, 1930, vol. II, p. 836.

⁵ Единственным исключением является небольшая статья белоэмигранта Страковского. См. L. Strakovsky. The Franco-British Plot to Dismember Russia, «Current History», March 1931.

ступили к борьбе с первым в истории человечества государством рабочих и крестьян. Это происходило в обстановке мировой войны, когда вопрос кто кого был еще далеко не решен. Война, естественно, оказывала влияние на отношение держав Антанты к Советской России и на международное положение нашей страны, хотя и не имела в этом смысле решающего значения. Главным и определяющим в политике империалистов были классовые интересы крупной буржуазии союзных стран, толкавшие их на ликвидацию молодой Советской республики.

В ноябре 1917 г. обстановка на фронтах войны складывалась явно не в пользу Антанты. Советская Россия, провозгласив в знаменитом ленинском Декрете свою волю к миру, начала борьбу за выход из империалистической войны и за всеобщий мир. Советское правительство неоднократно обращалось к странам Антанты с предложением начать переговоры о заключении мира без аннексий и контрибуций. Не получив ответа, оно было вынуждено пойти на мирные переговоры с Германией и ее союзниками.

Правящие круги западных держав решили продолжать войну до победного конца, добиваясь вместе с тем свержения Советской власти. «Международный империализм,— говорил В. И. Ленин на заседании ВЦИК 23 ноября 1917 г.,— мобилизует все свои силы против нас. Буржуазия желала бы, чтобы осуществился сговор империалистских правительств против нас»⁶.

В борьбе против Советской власти империалисты первоначально сделали ставку на казачьи районы юго-востока России и в первую очередь на Донскую область, поскольку казаки верой и правдой служили царскому самодержавию и русской буржуазии. Еще в сентябре 1917 г. В. И. Ленин писал: «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйств. быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»⁷.

Слова Ленина оказались пророческими. Уже 7 ноября 1917 г. войсковой атаман Дона генерал Каледин осудил переход власти в руки Советов и высказался за поддержку Керенского. Одновременно так называемое войсковое «правительство» Каледина приняло на себя всю полноту власти в Донской области и стало подготавливать поход на Петроград и Москву. В ноябре 1917 г. Каледин писал командиру 7-й Донской дивизии: «Войсковое правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежем и восстановление в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой и по Волге»⁸.

В эти же дни на сцену выступил и так называемый «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», сколоченный накануне Октябрьской революции по инициативе того же Каледина. Кадет Харламов — глава «правительства» союза пишет в своих воспоминаниях: «Создание Юго-восточного союза в конце 1917 года представляет одну из попыток организации казачества в государственном масштабе в целях противодействия разбушевавшейся народной стихии»⁹.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 282.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 15.

⁸ «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, Ростов, 1922, стр. 110.

⁹ «Донская летопись». Сборник материалов по новейшей истории донского казачества со времени русской революции 1917 года, № 2, Вена, 1923, стр. 284.

Наряду с этим лидеры Донской области и Юго-восточного союза выдвигали своей задачей отделение от России всего юга и создание там самостоятельного государства¹⁰.

Донская область вскоре стала крепостью всероссийской контрреволюции. Туда пробрались реакционные генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Лукомский, руководители кадетской партии Милюков, Струве и даже «независимый социалист» Б. Савинков. При содействии Каледина они стали формировать антисоветскую добровольческую армию из реакционных офицеров и юнкеров. Такая армия представлялась контрреволюции особенно надежной. Окопавшаяся на Дону белогвардейщина представляла большую опасность для молодой Советской республики. «Либо победить Калединых и Рябушинских,— подчеркивал В. И. Ленин,— либо сдать революцию. Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции»¹¹.

Эта опасность усугублялась еще тем, что империалисты Антанты сразу же пришли на помощь белоказакам и Добровольческой армии. В середине ноября 1917 г. румынский король заявил дипломатическим представителям Англии, США и Франции в Яссах, что в случае поддержки союзников он мог бы с частью своих войск попытаться пробиться для соединения с казаками или даже, если возможно, с английскими частями в Мессопотамии¹².

21 ноября 1917 г. данный вопрос обсуждался английским военным кабинетом. Ряд членов кабинета, в том числе министр иностранных дел Бальфур, соглашался «косвенно признать Каледина как независимого лидера, советуя румынам сотрудничать с ним». Однако, не располагая точными сведениями о численности войск Каледина и их боеспособности, кабинет никакого решения тогда не принял.

Тем временем в английское посольство в Петрограде стали прибывать тайные эмиссары донской контрреволюции. 23 ноября 1917 г. посла Великобритании Бьюкенена посетил крупный банкир князь Шаховской. По его словам, находившиеся в Новочеркасске реакционные деятели ставили своей целью сформировать «правительственный совет» во главе с Калединым в качестве военного диктатора и Алексева в качестве главнокомандующего, чтобы собрать силы и идти на Петроград и Москву для свержения «большевистского режима». Мятежники просили оказать им финансовую помощь. Бьюкенен сказал, что не может дать официального ответа, поскольку его правительство якобы не желает вмешиваться во внутренние дела России. Вместе с тем он просил передать белоказачьим лидерам, что, по его мнению, «союзники будут приветствовать любое сильное, стабильное и законно созданное правительство, которое готово удержать Россию в войне». Английский посол таким образом по существу одобрил белогвардейскую авантюру.

Тогда же по поручению Бальфура из Ясс в Новочеркасск был направлен агент с заданием узнать, готов ли Каледин сотрудничать с румынской армией и каковы его силы. Другой их агент, капитан Ноэл, выехал на Дон из Тифлиса¹³.

29 ноября 1917 г. британский кабинет обсуждал вопрос о «тесном сотрудничестве с Калединым» и решил его положительно. Комментируя это решение, влиятельная консервативная газета «Times» писала в тот

¹⁰ Н. Янчевский. Гражданская борьба на Северном Кавказе, т. I, Ростов, 1927, стр. 147.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 393.

¹² Упомянутые здесь и далее факты взяты из неопубликованных американских и английских документов, которые приводятся в недавно вышедшей книге американского буржуазного историка Уллмана. См. R. Ullman. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Intervention and the War, Princeton University Press, 1961.

¹³ R. Ullman. Op. cit., p. 42, 43, 44, 46.

же день: «Игра не потеряна, она проиграна пока лишь наполовину. В южной России и в казачьих областях имеется значительный элемент, способный оказать сопротивление Красной гвардии и ее германским друзьям... Консервативный блок на юге России контролируется в большой мере все источники продовольствия и, ограничив снабжение севера, может много сделать в целях воздействия на него... До тех пор пока лояльные элементы юга России продолжают действовать, в наших явных интересах вступить с ними в контакт и оказать им помощь». 30 ноября 1917 г. в Париже состоялась конференция держав Антанты, постановившая «оказать поддержку тем лояльным по отношению к союзникам элементам в России, в руках которых находился контроль над Доном и Кавказом»¹⁴, то есть контрреволюционерам.

3 декабря 1917 г. английский военный кабинет «решил гарантировать Каледину предоставление всей финансовой помощи, в которой он нуждался, независимо от ее размеров»¹⁵. В тот же день заместитель министра иностранных дел Великобритании Сесиль телеграфировал послу в Петрограде Бьюкенену о необходимости принять все меры к удержанию России в состоянии войны с Германией, для чего требуется всемерная поддержка «русских элементов», дружественных Антанте, руководителями которых были Каледин и Алексеев. Хотя и шли некоторые разговоры о возможности создания коалиционного правительства из большевиков, эсеров и даже меньшевиков, военный кабинет не считал подобную «комбинацию» сколько-нибудь приемлемой. «Если бы мог быть сформирован южный блок,— подчеркнул в телеграмме,— состоящий из Кавказа, казачьих областей, Украины¹⁶, неоккупированных частей Румынии, он, по-видимому, был бы способен основать благонамеренное прочное правительство, через которое, распоряжаясь нефтью, углем и хлебом, контролировал бы эффективно всю Россию». Бьюкенену поручалось оказать любыми способами всемерную помощь Каледину и Украинской Центральной раде. Начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Робертсон тогда же направил военному атташе в Яссах телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Вы уполномочены предоставить Каледину финансовую помощь в пределах его потребности»¹⁷. Такая помощь стала вскоре поступать.

Факты показывают, что подобных же взглядов придерживались и американцы. 11 декабря 1917 г. американский консул в Тифлисе Смит подробно писал в госдепартамент о том, какие надежды следует связывать с объединением «Юго-восточного союза» с Украинской Центральной радой в рамках федерации. «Можно почти не сомневаться в успехе этого движения в случае, если ему будет оказана значительная помощь людьми, деньгами и в управлении делами. Федерация будет приветствовать присутствие американских или союзных сил, предоставит им управление железными дорогами и будет в состоянии прокормить румынскую армию, как и союзные силы, которые, возможно, пошлют к ней на помощь. Практически эта федерация в случае ее поддержки сосредоточит в своем распоряжении все ресурсы России.

¹⁴ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, М., 1938, т. V, стр. 88.

¹⁵ R. Ullman. Op. cit., p. 46.

¹⁶ Очевидно по наущению империалистов Антанты генеральный секретариат Центральной рады обратился еще 9 ноября 1917 г. к Каледину с предложением объединить для борьбы против Советской власти реакционные силы Украины, Кубани, Дона, Кавказа и других областей. 1 ноября 1917 г. это предложение обсуждалось на закрытом заседании Донского войскового «правительства», решившего образовать «Союз юго-восточных областей и Украины» с центром в Харькове. Однако этот контрреволюционный план был сорван трудящимися массами России и Украины (Подробнее см. И. Разгон. Разгром каледищины. «Пролетарская революция», № 2, 1940, стр. 47).

¹⁷ R. Ullman. Op. cit., p. 46.

Ни один поезд не сможет двигаться без получения от федерации угля или нефти. Это может обречь северо-западную Россию на голод»¹⁸.

Ясно, что среди правящих кругов западных держав сразу после Октябрьской революции созрел преступный план создания на юге России послушного им марионеточного государства, которое бы они могли использовать как плацдарм для развертывания военных операций против Советского правительства с целью его свержения и закабаления южной России иностранными монополиями. Советскую власть империалисты пытались задушить всеми возможными средствами, в том числе и костлявой рукой голода, о чем цинично писал американский консул Смит.

Разговоры же об использовании сил Каледина и Центральной рады для борьбы с немцами были простой маскировкой, что откровенно признавали в своих тайных донесениях английские и американские представители в России. Начальник английской военной миссии Нокс общал руководителю английской военной разведки: «Я считаю любой союз между Юго-восточным союзом и Украиной на основе продолжения войны совершенно нереальным». Английский офицер, посланный из Ясс к Каледину в Новочеркасск, 7 декабря 1917 г. телеграфировал: «Казачья армия совершенно бесполезна и дезорганизована». По словам английского разведчика капитана Ноэля, прибывшего к Каледину из Тифлиса, нельзя было ожидать от казаков активных действий за пределами их территорий¹⁹.

Между тем западные державы и США все более расширяли контакты с русской контрреволюцией, оказывая ей значительную финансовую помощь. Государственный секретарь США Лансинг направил 10 декабря 1917 г. президенту Вильсону письмо, в котором, в частности, говорилось: «Единственно явным ядром организованного движения, достаточно сильного, чтобы вытеснить большевиков и создать правительство, представляется группа высших офицеров и генерала Каледина, атамана донских казаков»²⁰. Далее Лансинг предлагал, чтобы Англия и Франция субсидировали Каледина за счет сумм, поступающих к ним из США. Это предложение было Вильсоном принято. 15 декабря 1917 г. американский генконсул в Москве Саммерс писал в госдепартамент: «Донские казаки хотели бы улучшить коммуникации со своими более отдаленными единомышленниками путем строительства железной дороги от Ростова до Оренбурга, который имеет железнодорожное сообщение с Сибирью. Этот вопрос обсуждался с американским военным атташе и с другими американцами, которые недавно посетили Новочеркасск»²¹.

18 декабря 1917 г. в Донскую область по поручению Саммерса прибыл американский консул в Москве Пуль. В Ростове он встретился с Калединым, Алексеевым и другими видными контрреволюционерами. Тогда же у белогвардейцев находился представитель французской военной миссии полковник Гюше, который заявил командующему Добровольческой армии генералу Алексею, что правительство Франции предоставило ему кредит в 100 млн. руб. «с целью восстановления порядка в России и продолжения войны против центральных держав». Тем самым на первый план французы, да и их союзниками по Антанте, ставилась борьба с Советской властью, лишь для видимости маскируемая ссылками на продолжение войны с Германией. Именно эта сторона подчеркивалась и в докладе Пуля. «Планируемая (Добровольческая. — О. С.) армия, — писал он, — будет представлять подвиж-

¹⁸ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее: FRUS) 1918, Russia», Washington, 1932, vol. II, p. 588.

¹⁹ R. Ullman. Op. cit., p. 47, 49.

²⁰ FRUS, the Lansing Papers 1917—1920, vol. II, p. 343.

²¹ FRUS, 1918, Russia, vol. I, p. 311.

ную полицейскую силу, действия которой ...могут привести к восставлению порядка в тех областях России, которые в настоящее время не заняты германскими войсками... Она будет совершенно неэффективна против регулярных германских войск»²².

Одновременно западные державы пытались использовать в своих эгоистических целях обстановку, сложившуюся на Украине, где власть временно захватил так называемый «генеральный войсковой секретариат» — орган буржуазно-националистической Центральной рады. Уже 28 ноября 1917 г. в Киев из Петрограда прибыли член английской военной миссии полковник Чарльз и представители французской военной миссии Гравье и Пелисье, которые обсуждали с лидерами секретариата «текущее положение». 7 декабря в Киеве появился генерал Табуи, который организовал военную миссию Франции на Украине. Вскоре французское правительство представило раде заем в 180 млн. франков. Какие же цели были у Табуи на Украине и вообще на юге России? Ответ на этот вопрос содержится в секретной записке, составленной, очевидно, в начале 1918 г. кем-то из французских представителей в России. «В тот момент, когда весь север России подпал под большевистский режим, естественно было, что Франция и ее союзники стремились ... поддерживать различные автономные группировки, которые организовались на юге России: Украина, Бессарабия, казачьи области, Кубань, Кавказ... Можно было ожидать, что здоровые элементы смогут остановить развитие анархии, перестроить на новых основах, организовать на федеративных началах новую Россию... Все это могло бы привести к сохранению России для будущего и служило бы интересам союзников». Следовательно, речь шла о расчленении нашей страны, о ее разделе между империалистами стран Антанты. При этом, как подчеркивалось в записке, Украина для французов представляла «совершенно исключительный интерес своим географическим положением и богатствами сельскохозяйственными и промышленными»²³.

Франция, а затем и Англия признали Центральную раду в качестве правительства де-факто, а их представители в Киеве, опираясь на свою агентуру из местной буржуазии, всячески пытались затормозить выход Украины из войны. США не признали раду, но направили в Киев своего бывшего консула в Риге Дженкинса для ознакомления с положением²⁴. Впрочем, вся эта лихорадочная деятельность союзных агентов на Украине не дала результатов, поскольку вскоре рада заключила перемирие, а затем мир с центральными державами. Украину оккупировали германские войска.

Далеко идущие планы связывали империалисты Антанты с Кавказом, который по их указке был фактически отделен от Советской России буржуазно-националистическими партиями, образовавшими контрреволюционный Закавказский комиссариат. Активно поддерживал враждебные Советской власти силы американский консул в Тифлисе Смит²⁵.

Приведенные факты показывают, что сразу же после Октябрьской революции Англия, Франция и США фактически делают ставку на расчленение России, оказывая помощь и содействие марионеточным государственным образованиям на юге России (Донская область, Украина, юго-восточный союз), которые, во-первых, должны были служить средством свержения Советской власти и, во-вторых, — орудием политического и экономического закабаления юго-востока России империалистами Антанты.

Даже такой реакционный американский историк, как Кеннан, пи-

²² FRUS, 1918, Russia, vol. II, p. 614.

²³ «Борьба классов», 1931, № 2, стр. 74.

²⁴ FRUS, 1918, Russia, vol. II, pp. 657—660.

²⁵ Подробно о деятельности Смита см. Г. Гамбашидзе. Из истории политики США в отношении Грузии (1917—1920 гг.), Тбилиси, 1960, стр. 9—26.

шет: «Стоило большевикам взять под свой контроль Петроград, как надежды союзников стали неизбежно связываться с провозглашением сепаратизма»²⁶.

Говоря о начальной фазе развития захватнических планов империалистов в отношении нашей страны, необходимо отметить, что их осуществление стимулировалось главным образом деньгами и «дружескими» советами контрреволюционерам. Использовать силу штыков против русского народа правящие круги Антанты тогда еще не могли вследствие войны с Германией и ее союзниками. Империалистические планы западных держав еще не были достаточно детализированы и конкретизированы, еще не произошло распределение ролей в их реализации между США, Англией и Францией.

21 декабря 1917 г. английский кабинет решил послать в Париж военного министра Милнера и заместителя министра иностранных дел Сесила для рассмотрения вопроса о позиции, которую «Англия и Франция должны занять по отношению к России в связи с предложениями большевиков о мире». Английские делегаты предполагали вручить французам меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Мы должны указать большевикам, что мы не желаем вмешиваться во внутренние дела России и что было бы глубокой ошибкой думать, что мы содействуем контрреволюции... Но мы считаем необходимым поддерживать связь с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и т. д., так как эти полуавтономные области представляют значительную часть Российской державы».

Далее в меморандуме с предельным цинизмом выбалтывалось существо империалистической политики стран Антанты в «русском вопросе». «Нашей первой задачей, — говорилось в нем, — должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск и для денежной поддержки персов... Если Франция примет на себя финансирование Украины, мы найдем, быть может, средства для других намеченных целей. Необходимо, чтобы США также приняли участие в расходах. Необходимо, чтобы мы имели своих агентов и чиновников, а также чтобы мы могли воздействовать и оказывать поддержку местным правительствам и их армиям. Необходимо, чтобы все это делалось без всякого шума, с тем, чтобы мы избегли обвинений, насколько это возможно, что мы готовим войну с большевиками».

В меморандуме также отмечалось: «Мы предлагаем, чтобы Украина в этом вопросе осталась полем деятельности Франции, а мы возьмем на себя другие юго-восточные области страны. Для руководства всеми указанными операциями каждая из союзных стран должна назначить своего представителя. Эти представители должны поддерживать контакт друг с другом через посредство специальных агентов с тем, чтобы обеспечить полное единство действий»²⁷.

Из меморандума вытекало, что его авторы признавали де-факто контрреволюционные образования на ряде русских территорий, именуя их «полуавтономными областями», что дополнительно свидетельствовало об их курсе на расчленение России. Весьма показательно, что в меморандуме предлагалось всячески скрывать грубое вмешательство империалистов в наши внутренние дела и их резко антисоветскую политику. Хотя в меморандуме Соединенным Штатам Америки и не отводилось какой-либо определенной зоны, они вовсе не отстранялись от участия в этом дележе. Напротив, меморандум возлагал на американский империализм важную задачу финансирования различных контрреволюционных мероприятий.

²⁶ G. Kennan. *Russia Leaves the War*, Princeton University Press, 1956, p. 181.

²⁷ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. V, стр. 94—95.

На англо-французской конференции в Париже 22—23 декабря 1917 г. меморандум подвергся тщательному обсуждению. Французы приняли его основные положения. В связи с этим президент Франции Пуанкаре записал в своем дневнике: «Договоренность достигнута по двум пунктам: свобода действий на Кавказе для Англии. Свобода действий на Украине для Франции»²⁸.

На основе британского меморандума 23 октября 1917 г. было подписано секретное англо-французское соглашение «О действиях в южной России».

Ниже приводится полный перевод соглашения.

«1. Действия, руководимые Францией, развиваются к северу от Черного моря (против врага).

Действия, руководимые Англией, развиваются к юго-востоку от Черного моря (против турок).

2. Поскольку генерал Алексеев в Новочеркасске предложил осуществление программы создания армии, предназначенной для оказания отпора врагам, и учитывая, что эта программа была принята Францией, которая выделила для этой цели кредит в сто миллионов и предусмотрела организацию межсоюзного контроля, выполнение названной программы будет продолжаться до принятия новых постановлений, согласованных с Англией.

3. С этим условием зоны влияния, предоставленные каждому правительству, будут следующими:

Английская зона — казачьи области, территории Кавказа, Армения, Грузия, Курдистан.

Французская зона — Бессарабия, Украина, Крым.

4. Расходы должны суммироваться и регулироваться центральным межсоюзным органом»²⁹.

Буржуазные фальсификаторы истории пытаются либо замолчать это соглашение³⁰, либо извратить его существо, утверждая, что оно представляет собой лишь план организации сопротивления Германии в южной России, Кеннан, чтобы преуменьшить его значение, именует соглашение «неофициальным» (informal). Он голословно утверждает, будто Англия и Франция не консультировались с США по данному вопросу и даже не сообщили американцам его текста, хотя те и знали о существовании такого соглашения. «Главной целью соглашения было стимулирование военного сопротивления Германии», — заявляет Кеннан³¹ и даже пытается иронизировать над советскими учеными, которые правильно рассматривают это соглашение как «план раздела России на сферы влияния».

Американский реакционный историк Р. Уллман еще более грубо фальсифицирует существо конвенции. «Это соглашение, — пишет он, — являлось попросту стратегическим документом, предназначенным наметить сферы для военных действий. Помимо того, что в нем обозначались „зоны влияния“, оно предусматривало, что действия, руководимые французами, будут развиваться к северу от Черного моря, против немцев и австрийцев»³². Далее он утверждает, что армия, создававшаяся Алексеевым, должна была «действовать против Германии», хотя в тексте соглашения об этом и не говорилось.

²⁸ R. Poincaré. Au service de la France. L'année trouble 1917, Paris, 1932, vol. IX, p. 428.

²⁹ «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939». First Series, London, 1949, vol. III, p. 369—370.

³⁰ Совершенно не упоминают о соглашении, например, американские историки. См. R. Browder. The Origins of Soviet American Diplomacy, Princeton, 1953; B. Ungerberger. America's Siberian Expedition 1918—1920, Durham, 1956, и др.

³¹ G. Kennan. Op. cit., p. 178—181; Его же. Russia and the West under Lenin and Stalin, Boston—Toronto, 1961, p. 47.

³² R. Ullman. Op. cit., p. 55—56.

Следует вместе с тем отметить, что некоторые буржуазные историки (Страковский, Чемберлен, Уорт) в целом дают правильную оценку соглашения 1917 г.³³

Против кого же было в действительности направлено соглашение 1917 г.? В тексте его в качестве врагов Антанты упоминаются вначале турки, действия против которых должны были возглавляться Англией. Других же противников Антанты соглашение именовало собирательным словом «враги». Может быть, это были лишь немцы, но почему они тогда не назывались прямо, как это делалось в отношении турок? Очевидно, не немцев имели в виду составители соглашения. В свете вышеприведенных фактов есть все основания считать, что под «врагами» подразумевались главным образом, большевики, Советская власть³⁴. Действительно, трудно предположить, что стратеги Антанты всерьез считали, будто Добровольческая армия могла вести военные действия против регулярных германских войск. Лидеры контрреволюции никогда не скрывали, что их первой и главной задачей являлась борьба за ликвидацию советского строя. Если они иногда и говорили о готовности бороться с немцами, то это делалось лишь для отвода глаз. «Нужно заметить,— писал Деникин в своих мемуарах,— что меньше всего иллюзий возбуждало образование Восточного фронта в командовании Добровольческой армии»³⁵. Начальник штаба этой же армии генерал Лукомский откровенно признавал, что она предназначалась для «борьбы с большевиками»³⁶. Наконец, сам Алексеев писал во французскую миссию в Киеве 9 февраля 1918 г.: «Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон как базу для действий против большевиков»³⁷.

Даже американский буржуазный историк Уорт пришел к выводу, что практическим результатом политики союзников было «создание центров сопротивления большевистскому правлению»³⁸.

Наметив в первой статье рассматриваемого соглашения основные направления борьбы со своими противниками, представители Англии и Франции во второй статье записали, что их главным оружием будет формирующаяся на Дону Добровольческая армия, субсидирование которой возлагалось на Францию.

Центральным пунктом соглашения являлся третий пункт, определивший сферы влияния империалистов в России. Очевидно, что в основу такого деления были положены политические, экономические и стратегические интересы английского и французского империализма. «Британские капиталовложения доминировали в нефтяных районах Кавказа,— писал американский историк Чемберлен,— Франция же была заинтересована в угольных и железорудных месторождениях Украины»³⁹. Таким образом, обе эти державы наметили далеко идущий экспансионистский план закабаления России. Империалисты намеревались превратить нашу страну в свою полуколонию.

³³ L. Strakovsky. Op. cit.; W. Chamberlin. The Russian Revolution, New York, 1935, vol. 2, p. 188; R. Wart. The Allies and the Russian Revolution, Durham, 1954, p. 143.

³⁴ Один из организаторов антисоветской интервенции У. Черчилль писал, что под словом «враги» подразумевались «Германия и враждебные русские», т. е. большевики (W. Churchill. Op. cit., p. 166).

³⁵ А. Деникин. Указ. соч., т. III, Берлин, 1924, стр. 78.

³⁶ А. Лукомский. Воспоминания, т. I, Берлин, 1922, стр. 274.

³⁷ «Борьба за власть Советов на Дону 1917—1920 гг.», сб. документов, Ростов, 1957, стр. 236.

³⁸ R. Wart. Op. cit., p. 193.

³⁹ W. Chamberlin. Op. cit., t. II, p. 154.

Наконец, четвертый и последний пункт предусматривал, что расходы по осуществлению соглашения от 23 декабря должны были регулироваться «центральным межсоюзным органом». Этот пункт свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении договаривающихся сторон привлечь в дальнейшем к непосредственному участию в грабеже России своих союзников и прежде всего США.

Все соглашение было своим острием направлено против Советской власти, так как в случае ее упрочения империалисты, естественно, не могли рассчитывать на реализацию своих чудовищных замыслов. Над нашей страной и народом нависла смертельная опасность.

США не участвовали в этом соглашении по вполне понятным причинам. Они проводили более гибкую политику, пытались играть роль друзей России и, главное, стремились выждать, какой оборот примет события, чтобы сохранить свободу рук и потребовать свою долю добычи, когда, по их мнению, для этого наступит благоприятный момент. Американские империалисты были полностью осведомлены об англо-французской сделке в Париже. 28 декабря 1917 г. английское правительство ознакомило американского посла в Лондоне Пейджа с британским меморандумом, который лег в основу соглашения от 23 декабря. На следующий день после получения меморандума посол передал его в госдепартамент⁴⁰. Поскольку не имеется каких-либо данных об отрицательном отношении США к меморандуму, есть все основания полагать, что они его одобрили.

Касаясь освещения англо-французского соглашения в советской литературе последних лет, необходимо отметить ряд неточностей и неверных оценок, допущенных нашими историками. Так, Б. Штейн неправильно излагал статью 2 соглашения, утверждая, будто Алексеев предложил организовать армию «для открытия враждебных действий против врага (Германии) и просил о предоставлении кредита в миллион фунтов стерлингов»⁴¹. На самом же деле в тексте соглашения нет слова «Германия», говорится там также не о просьбе Алексеева, а о выделении ему французами кредита.

А. Кунина неправа, полагая, будто Англия и Франция в меморандуме от 22 декабря и соглашении от 23 декабря 1917 г. «объявили своей общей целью отрыв от России Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины, Северного Кавказа, Грузии, Армении, Среднеазиатских областей России, образование на этих территориях зависимых от США, Англии, Франции, Японии, Италии марионеточных антинародных правительств и организации с их помощью военной интервенции против основных жизненных центров Советской России»⁴². Как было показано, соглашение касалось лишь юга России. Планы же, о которых пишет А. Кунина, действительно имели место, но излагались в других документах.

В некоторых наших исторических трудах соглашение 1917 г. характеризуется, например, как конвенция «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России», о «зонах или сферах действия»⁴³ Англии и Франции на юге России. Следовало бы также подчеркнуть, что это империалистическое соглашение, предусматривая, по существу, раздел России на сферы действия и плане борьбы против Советской власти, являлось грубым вмешательством во внутренние дела нашей страны.

⁴⁰ См. FRUS, 1918, Russia, vol. I, p. 330—331.

⁴¹ Б. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.), М., 1949, стр. 28—29. С. Майоров полностью воспроизвел текст соглашения, приведенный в книге Б. Штейна (см. С. Майоров. Указ. соч., стр. 130).

⁴² А. Кунина. Указ. соч., стр. 45.

⁴³ «История гражданской войны в СССР», М., 1958, т. 3, стр. 295.

После антисоветского сговора в Париже западные державы активизировали свою политику расчленения России. При их помощи и поддержке от нашей страны была отторгнута Бессарабия и незаконно присоединена к боярской Румынии. В начале 1918 г. сферой влияния США и Японии фактически был признан Дальний Восток.

Конкретизируя соглашение 1917 г., английские и французские правящие круги договорились в июле—августе 1918 г. о том, что Великобритания берет на себя «все расходы (исключая расходы на содержание французских и английских войск) на севере России (Мурманск и Архангельск), а Франция в районе Москвы»⁴⁴. Это соглашение предусматривало также привлечение Соединенных Штатов для несения расходов по осуществлению интервенции. То была очередная антисоветская сделка, распространявшаяся на северную и центральную часть России.

Весной и летом 1918 г. западные державы приступили к открытой вооруженной интервенции, захватив в первую очередь в качестве своих опорных пунктов Мурманск, Архангельск и Владивосток. После поражения кайзеровской Германии и ее союзников осенью 1918 г. интервенция приняла еще более широкие размеры, так как у империалистов Антанты оказались развязанными руки для усиления борьбы с Советской республикой.

13 ноября 1918 г. Англия и Франция подтвердили соглашение от 23 декабря 1917 г. «В силу этого,— признает У. Черчилль,— англичане высадились в Батуме и быстро оккупировали Кавказскую железную дорогу от Черного моря до Каспийского у Баку... Французы 20 декабря высадили в Одессе около двух дивизий, поддержанных мощным флотом»⁴⁵. Впоследствии страны Антанты решили считать Прибалтику английской сферой влияния.

В марте 1919 г. был осуществлен и раздел района действий белогвардейских южных армий на две зоны: восточную, английскую — Кавказ и Дон, и западную, французскую — Крым и Украина⁴⁶. В мемуарах Деникина по этому поводу говорилось: «Телеграф принес нам официальное известие о существовании линии, разграничивающей английскую и французскую зону действий. На востоке она проходила от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по Дону на Царицын. Эта странная линия не имела никакого смысла в стратегическом отношении, не считаясь с меридиональными оперативными направлениями к Москве и с идеей единства командования. Разрезая пополам область войска Донского, она не соответствовала также и возможности рационального снабжения южных армий, удовлетворяя скорее интересам оккупации и эксплуатации, чем стратегического прикрытия и помощи»⁴⁷.

Действительно, империалисты Антанты в первую очередь были заинтересованы в расчленении России, в ограблении русских природных богатств и в зверской эксплуатации населения нашей Родины. Все официальные заверения ответственных представителей союзных держав об их намерении сохранить единство и целостность России оказывались пустым блефом. На самом деле в ходе тайных переговоров они заключали сделки, направленные на раздробление русского государства с целью его последующего превращения в колонию Англии, США и Франции.

На мирной конференции в Париже в 1919 г. также разрабатывались широкие планы расчленения нашей страны. Активное участие в этом

⁴⁴ «Documents on British Foreign Policy». First Series, vol. III, p. 372—373.

⁴⁵ W. Churchill. Op. cit., p. 166—167.

⁴⁶ «Из истории гражданской войны в СССР», сб. документов и материалов, М., 1961, т. 2, стр. 30.

⁴⁷ А. Деникин. Указ. соч., т. IV, стр. 39.

принимали американские империалисты. Хорошо известный в литературе пресловутый комментарий к 14 пунктам Вильсона предусматривал отторжение от России Прибалтики, Белоруссии, Украины, Кавказа, Сибири и Средней Азии⁴⁸. Государственный департамент США составил для американской делегации на Парижской конференции карту под заглавием «Предлагаемые границы в России». Ознакомление с картой свидетельствует, что американцы оставляли нашей Родине лишь ...Среднерусскую возвышенность⁴⁹. Империалисты развернули большую активность по осуществлению своих грабительских замыслов. Они посылали войска в Россию, оказывали большую помощь деньгами и вооружением силам внутренней контрреволюции, грабили и расхищали наше национальное достояние, всемерно поощряли сепаратистские тенденции буржуазных националистов. Именно в результате подобной деятельности западным державам удалось временно оторгнуть от СССР в период интервенции Прибалтику, Бессарабию, Западную Украину и Западную Белоруссию, которые затем империалисты закабалили и пытались использовать для нападения на нас. Однако своей главной цели — свержения Советской власти и порабощения СССР империалистам достичь не удалось. Советский народ под руководством Коммунистической партии сорвал преступные планы международной реакции, сохранил и укрепил свое родное государство, которое ныне превратилось в крупнейшую державу мира, в мощный оплот социалистического лагеря.

⁴⁸ «Архив полковника Хауза», т. IV, М., 1944, стр. 153.

⁴⁹ См. А. К у н и н а. Указ. соч., стр. 81.

